

«Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака как «Опыт русского Фауста»: интерпретация героя Гёте в одном из вариантов заглавия романа

Борис Пастернак называл роман «Доктор Живаго» вершиной своего творчества и работал над ним более 10 лет (с декабря 1945 по январь 1956 г.). Автор не сразу выбрал заглавие для книги. За первые 2,5 года создания романа Пастернак размышлял минимум над 15 заглавиями произведения. Окончательное имя книги «Доктор Живаго» с подзаголовком «Картины полувекового обихода» было выбрано летом 1948 г. Вариант заглавия «Опыт русского Фауста» возник примерно осенью 1947 г. и был заменен довольно известным отвергнутым заглавием «Свеча горела». Следует сразу отметить, что появление этого варианта названия никак не связано с переводом Борисом Пастернаком «Фауста» Гёте. Когда писатель приступил к переводу трагедии, его роман уже назывался «Доктор Живаго». Однако довольно долгий период с 1948 по 1951 г (с перерывами) Борис Пастернак параллельно работал и над переводом «Фауста» и над романом.

Пастернак впервые использовал словосочетание «русский Фауст», применительно к своему творчеству значительно раньше – в 1942 г. Описывая замысел военной пьесы «Этот свет», автор пояснял: «...это российский Фауст, в каком русский Фауст должен содержать в себе Горбунова и Чехова». Пастернак не закончил эту пьесу и сохранил только две картины из нее.

Интерпретация образа Гете в поэтике заглавия «Опыт русского Фауста» может рассматриваться по нескольким направлениям. Во-первых, это изучение влияния поэтики «Фауста» Гёте на мировоззрение и творчество Пастернака. Во-вторых, рассмотрение фаустовского начала в «Докторе Живаго». В-третьих, анализ историко-философского осмысления фаустовской культуры и «заката эпохи» в философии 1920-х гг. И, наконец, смысл заглавия проясняется и через социальный контекст первых десятилетий советского эксперимента.

Изучение интерпретации героя Гете в варианте названия «Опыт русского Фауста» было бы неполным без обращения к переводу Борисом Пастернаком «Фауста» Гете. Поэт начал переводить «Фауста» Гете в августе 1948 г. И взялся за эту работу с большой неохотой, из-за того, что она отрывала его от работы над любимым романом. Пастернак называл переводы «проклятыми» и жаловался, что «должен залпом и галопом одолеть Фауста». Переводчик делился с Ариадной Эфрон: «Мне хочется писать роман дальше, мне многого хочется, а приходится гнать Фауста, это так ужасно». Правда, вскоре перевод творения Гете захватил Пастернака, стал его радостью и «плодотворным блаженством», которого он не испытывал со времен написания «Сестры моей жизни». Переводчик стремился передать «мир Фауста в его русском претворении», сделать перевод драмы ее «русским пересозданием». Иными словами, автор вводил «Фауста» в русскую литературу, что до него не удалось осуществить в переводах Фета и Брюсова. Примечательны его слова: «На этом провалились Фет и Брюсов, а у меня, как это ни странно, - получается». Можно сказать, что Пастернак готовился к переводу трагедии Гете всю жизнь. Достаточно вспомнить ранний «Фаустов цикл» (1910-х гг.), наполовину утраченный, в него предположительно входили «Любовь Фауста», «Маргарита», «Мефистофель» и др. стихотворения.

Во второй половине 1940-х гг. одновременно пишется роман, переводится «Фауст» «в вечной смене трагедий с самым беззаботным ликованием» и разыгрывается роман с Ольгой Ивинской. Так в один неразрывный узел стягивается жизнь и творчество; драма Гете, как болезнь, полностью подчиняет себе все слова и мысли Пастернака. На многие события своей жизни писатель смотрел через призму героев или наделял персонажей трагедии чертами любимых людей. Известна дарственная надпись поэта на экземпляре перевода, подаренном Ивинской: «Олюша, выйди на минуту из книжки, сядь в стороне и прочти ее». Нельзя не упомянуть и её арест. В те страшные годы, сообщая об арестах, часто прибегали к «эзопову языку» и Пастернак делился горем в письме: «Жизнь в полной буквальности повторила

последнюю сцену Фауста, «Маргариту в темнице»». Лидия Чуковская вспоминала как поэт заплакал, читая сцену Фауста с Маргаритой в 1954 г., уже после возвращения Ивинской из лагеря.

В другом инскрипте на книжке старшему сыну Евгению отец написал: «Дорогому моему молодому Фаусту к дню его шестнадцатого рождения...» (1939 г.). Если близких людей автор сравнивал с героями «Фауста», то себя он чувствовал его создателем. В последний год своей жизни Борис Пастернак сравнивал себя с Гете: «я мог бы выдержать испытания благословенного, неслыханного и бросающего в дрожь образа жизни, деятельного и плодотворного, как у Гете. И конечно, я его веду, хотя тайно...».

Теме фаустовского начала в «Докторе Живаго» посвящена ценная работа Ольги Седаковой «Символ и сила: Гётевская мысль в “Докторе Живаго”», где исследователь отмечает, гетевское чувство «жизни, переживаемой как сплошное чудо, как редкостное счастье, как внезапно раскрывающаяся всеобщая связность и символичность... сближает «Доктора Живаго» с «Фаустом». Исследование Седаковой на данный момент является самым глубоким по данной теме, но поэт и филолог не упоминает вариант заглавия «Опыт русского Фауста».

Интересно обратиться к авторской трактовке трагедии Гете, Борис Пастернак называет «Фауста» «чудодейственная драма о чудотворстве». Он воспринимает трагедию Гете через призму собственного творчества, вспомним заключительную строфу из «Августа»:

Прощай, размах крыла расправленный,
Полета вольное упорство,
И образ мира, в слове явленный,
И творчество, и чудотворство.

Автор хотел назвать «Доктора Живаго» «Опытом русского Фауста» – в центре обоих произведениях он видел гениальную личность, которая не укладывалась в рамки обыденности. Писатель воспринимает и «Фауста», и «Доктора Живаго» как произведения о великой личности, живущей во

времени. Не случайно до нас дошла легенда о Фаусте, а Юрий Живаго «воскресает» в своих стихах. По мнению Пастернака, «искусство всегда занято двумя вещами. Оно неотступно думает о смерти и неотступно творит жизнь», – из черновых набросков к роману.

Первое, что бросается в глаза при поиске внутренней связи между трагедией Гете и романом Пастернака – это многозначительное сближение именных заглавий: «Доктор Фауст» (название театральной постановки легенды о Фаусте XVIII века) и «Доктор Живаго». Также профессия Живаго может быть соотнесена с доктором Чеховым. Здесь скорее два источника «Доктора Живаго».

В романе не раз упоминаются имена героев «Фауста». Все эти упоминания расходятся на два направления: предполагаемая статья Юрия Живаго о «Фаусте» и осмысление героями своей жизни через литературные маски персонажей трагедии. В черновиках к роману создатель хотел, чтобы его герой написал статью не только о Блоке, но и о «Фаусте»: «Другая работа будет посвящена Гетевскому Фаусту...».

Борис Пастернак в большой прозе использует некоторые сюжетные линии из «Фауста» и уподобляет Ларису Федоровну гетевской Гретхен. Лара называется именем Маргариты в той сцене романа, где она лежит в бреду после неудачной попытки застрелить Комаровского: «Руфина Онисимовна готова была побожиться, что Лара *разыгрывает* помешанную Маргариту в темнице». Тем самым жизненная трагедия в глазах хозяйки квартиры воспринимается как театральная.

Надо сказать, что роман Пастернака чаще всего обвиняют в череде сюжетных совпадений, невозможных в реальной жизни. Можно возразить, что в этих параллелях, соответствиях и совпадениях Пастернак наследник композиционных приемов «Фауста». Гете говорил о «варварской, лишенной правил композиции» своей трагедии. Однако единство композиции «Фауста» и «Доктора Живаго» как раз и держится на обилии параллелей, соответствий и совпадений между отдельными эпизодами. У немецкого и русского авторов

это никогда не повторения, а вариации, которые стягивают композицию огромных произведений воедино.

Название «Опыт русского Фауста» может быть прочитано и через понятие фаустовской культуры. Фигура Фауста как символа западноевропейской культуры и выразителя души эпохи, клонящейся к закату, рассмотрена в работе Освальда Шпенглера «Закат Европы». На этот труд откликнулся Николай Бердяев статьей «Предсмертные мысли Фауста», в которой содержится осмысление «конца цивилизации» с точки зрения русской религиозной мысли. Александр Блок, не знакомый с трудом Шпенглера, высказал в статье «Крушение гуманизма» сходные идеи, волновавшие умы мыслящих людей того времени.

Для Шпенглера Фауст – выразитель души западноевропейского человека, но Пастернак не случайно именует его «русским», смещая акцент на фаустовскую душу. Об этой душе писал Бердяев: «Фауст не выносит времени исторической судьбы, он не хочет до конца ее изживать. <...> Но смерти нет... фаустовская душа признала единственной жизнью».

Смысл заглавия «Опыт русского Фауста» может быть раскрыт через идеи о «закате культуры» и «конце цивилизации». У Пастернака в конце «Доктора Живаго» представлена пугающая картина всеобщего одичания России после революции. Автор, раз за разом увеличивает акцент на вырождении культуры, на ее переходе в состояние первобытности. В главе с символическим названием «Окончание» Пастернак, описывая возвращение Юрия Живаго в Москву в 1922 г., использует характерные выражения: «он все больше сдавался и опускался», «состояние угнетения и упадка», «исхудал оброс и одичал», «оба дичились людей».

Таким образом, поэтика заглавия «Опыт русского Фауста» также познается и через рассмотрение философии XX века, в которой идея гетевского «Фауста» была рассмотрена применительно к ходу мировой истории. Борис Пастернак воспринимал фигуру Фауста не только как

персонажа драмы, но и как символ «заката культуры», олицетворение идеи познания и преобразования мира, который трагичен в своей глубине.